

Х Р О Н И К А

Революція или эволюція в СССР?

Октябрьская революція 1917 года вошла в исторію с устремленіем создать социалистическій строй. Сознательно ломая государственную машину существующаго правового буржуазнаго строя, сознательно насилуя демократическую и національную волю Россіи, только что сбросившей с себя путы стараго строя, октябрьская революція своими лозунгами постаралась восторжествовать и над демократіей, и над ея національными задачами.

Не будем останавливаться на том, что Россіи были поставлены задачи, непосильныя для нея даже с точки зрѣнія марксизма, с точки зрѣнія состоянія ея производительных сил, с точки зрѣнія социальной раслойки ея населенія и полной психологической и технической неподготовленности даже и тѣх ея слоев, общественным идеалом которых служил социализм, как будущій общественный строй всего человѣчества, а не отдѣльной страны. Достаточно напомнить об извѣстной брошюрѣ Энгельса «К русскому вопросу», направленной против печавщины, носившейся с идеей превратить Россію в первую застрѣльщицу социализма.

И теорія, и идеологія, и государственная практика совѣтскаго государства с самых первых шагов преслѣдовали три цѣли: 1) против капиталистическаго строя за социалистическій; 2) против демократіи за диктатуру и 3) против національной ограниченности ея революціонных задач, за всемірныя задачи социальной революціи. Сравнительно несущественным было, что Ленин основывал возможность провозглашенія социализма в экономически отсталой Россіи на том, что лозунги русской революціи будут подхвачены западными странами, и этим октябрьская революція выйдет из рамок чисто-русскаго масштаба. Не столь существенно это потому, что задолго до октября 1917 года цѣлый ряд прежних ев-

ропейских переворотов, начиная от реформации и кончая великой французской революцией, основанных на мѣстном и національном пафосѣ и патриотизмѣ, надѣялись на поддержку их движенія в чужих странах. И такой же интернациональный характер приобретают и к нему стремятся контр-революціонныя движенія, начиная с контр-реформации, продолжая легитимизмом и кончая современным фашизмом.

Важно иное — то, что при официальном сохраненіи того же общественнаго строя и политическаго режима он не удержал в цѣлости и неприкосновенности ни одного из своих трех элементов. К концу 20-лѣтія совѣтскаго социалистическаго строя в предѣлах господствующей партіи во всей странѣ разбирается вопрос — «имѣем ли мы окончательную побѣду социализма или пока еще нѣтъ?» — и самому Сталину приходится отвѣтить на этот вопрос юнцу-пропагандисту Иванову: «и да и нѣтъ». «Да», поскольку рѣчь идет о внутренних отношеніях Россіи, «ибо за это время мы успѣли уже ликвидировать свою буржуазію, наладить братское сотрудничество со своим крестьянством и построить в основном социалистическое общество, несмотря на отсутствіе побѣды социалистической революціи в других странах». «Нѣтъ», поскольку рѣчь идет о внѣшних отношеніях, поскольку «смѣшно было бы отрицать, что, в случаѣ малѣйшаго успѣха военной интервенціи, интервенты попытаются разрушить в занятых ими районах совѣтскій строй и возстановить буржуазный строй». Нѣсколько неожиданно и двусмысленно окончательное заключеніе Сталина: «Мы говорим открыто и честно, что побѣда социализма *в нашей странѣ* (курсив мой — М. Л.) не является еще окончательной».

Чѣм характеризуется раздробленность государственной идеологии совѣтскаго государства? Для того чтобы отвѣтить на этот вопрос, достаточно взять за основаніе указанныя три цѣли октябрьской революціи и посмотреть, что вышло из каждой из этих трех цѣлей. Ограничимся краткими характеристиками. Вмѣсто торжества социализма мы имѣем три общественных строя, сожительствоющих, но вмѣстѣ с тѣм и борющихся друг с другом: социализм, государственный капитализм и буржуазный капитализм (как в частном «личном» сельском хозяйствѣ, так и в подсобном к колхозному и в области товарообмѣна). — Вмѣсто господства диктатуры мы имѣем приспособленіе к современному политическому — государственному и международному — режиму. Во внутренне-по-

литическом отношеніи демократическій конституціонализм с верховным союзным парламентом, с принципиальным признаніем политических свобод, неприкосновенности депутатов и всеобщаго избирательнаго права, независимо от соціального происхожденія, — все принципы, стоящіе в рѣзком противорѣчій с совѣтской конституціей диктатуры 1918 года и с декларацией трудящагося народа. В области международной полная ликвидація той же конституціи диктатуры, не признававшей обязательств существующаго международного права, и полное признаніе международного сотрудничества с буржуазными государствами, особенно со времени вступленія СССР в Лигу Націй, в сентябрь 34 года. В актѣ своего вступленія СССР признал положительные заслуги Лиги в ея стремленіи к умиротворенію міра и принял на себя отвѣтственность за исполненіе всѣх международных обязательств и постановленій. — Наконец, в 3-х, произошел полный сдвиг и в области официальной государственной идеологии, сдвиг, едва ли не самый большой со времени провозглашенія совѣтскаго строя: замѣна первоначальной азбуки коммунизма и политграммы системой патриотическаго воспитанія молодежи с реставраціей оборончески-націоналистических мотивов.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія в том, что идеология революціи октября 17-го года уже давно стала надламываться. Но до сих пор эти надломы болѣе или менѣе соответствовали трем эпохам: военный коммунизм, нэп и социализм в одной странѣ. Но развитіе ушло дальше. Оно получило свою собственную инерцію. В настоящее время происходит уже перерожденіе всей идеологической матеріи.

Соціалистическій строй одной страны в нынѣшней международной обстановкѣ означает прежде всего охрану этой одной страны. Прилагательное «соціалистическій» получает характер «нацстройки» над основным фактом болѣе или менѣе изолированнаго положенія совѣтскаго союза. Всякій «термидор», всякая эпоха ликвидаціи революціи имѣет прежде всего задачи консервативныя, — охрану существующаго. И поэтому при всяком термидорѣ усиливаются моменты политической консолидаціи.

В Россіи процесс значительно осложняется двумя крайне важными соціологическими явлениями.

На первом планѣ выступает сворачиваніе внѣшних заданій, которыми начался совѣтскій переворот с его созданіем условій

франко-совѣтскаго пакта, — от міровой революціи до національной безопасности.

Перековывается не только военно-промышленное, но и идеологическое оружіе. Всемирная установка и перманентная революція становятся анти-государственными и против-совѣтскими. Высшей цѣлевой точкой становится родина и ея защита. Для внѣшняго употребленія можно толковать эту родину, как социалистическую родину мірового пролетаріата; для внутренняго же повседневнаго употребленія эта родина — російская федерація народов, в которой численно преобладает и которою руководит русскій народ. Если первую родину символизировали общіе авторитеты мірового социализма, вторую символизируют національно-русскіе авторитеты.

Начинается эпоха реабилитаціи конкретной исторіи страны и ея защитников, как бы они ни были отдалены во времени. Встают русскіе былинныя богатыри Илья Муромец и Алеша Попович, заброшенные в чулан в эпоху послѣдовательнаго марксизма Покровскаго, как сусальные образы кваснаго патріотизма. Выходит из міра тѣней даже и святой равноапостольный князь Александр Невскій, поскольку он в тринадцатом столѣтіи «боролся с ѳиמעкими интервентами». Правда, такая препарировка и стилизація древней и средней русской исторіи для человѣка, не только знающаго ее, но и обладающаго хотя бы малѣйшим вкусом, совершенно невыносима, но тѣм не менѣе она свидѣтельствуєт об огромных перестановках и переключеніях.

Отбрасывается абстрактный социологизм и вѣра в схемы и, так как с диктатурой неизбѣжно связана обязательная государственная доктрина, которую начинают изучать еще в школах первой ступени и казармах арміи, то и эта грамота должна подвергнуться полной переработкѣ, включающей... физическое уничтоженіе авторов первых ея изданій. Политграмматика одинокаго и мятежнаго военнаго коммунизма не может быть тождественной с политграмматой добропорядочной державы, засѣдающей в Совѣтъ Лиги Націй. С точки зрѣнія прогресса родины «Извѣстія» могут выступить против безбожничества Ярославскаго с оправданіем введенія христіанства на Руси, покончившаго с совершенно отсталым язычеством и боровагоса с рабством; с точки зрѣнія того же русскаго имманентнаго прогресса оправдываются и преобразованія Петра Великаго, и только лишь чрезмѣрная

близость во времени — не дальше дѣда — мѣшает, пока еще возславить имя Александра II, освободившаго народ от крѣпостного права.

За кулисами перваго явленія, — сворачиванія внѣшних задачій—все сильнѣе намѣчается и второе—разворачиваніе и консолидація русской національной стихіи, о чем не мѣсто говорить здѣсь подробно. Совѣтскій строй, с самых первых своих шагов имѣвшій в виду міровыя задачи, успѣл «мимоходом» создать нѣкоторые первичные факторы огромнаго національнаго значенія.

Вѣдь до самаго порога социалистической революціи в Россіи в одном отношеніи сохранилась конституція крѣпостничества. Культура и техническій прогресс были достояніем ничтожнаго меньшинства, не связаннаго с огромным неграмотным большинством народа. В этом не было разницы между «вольтерьянскими» слоями дворянства времен Екатерины Великой и радикальной интеллигенціей конца 19-го и начала 20-го вѣка. Императорскій петербургскій період русской исторіи не успѣл создать тѣх первичных культурных и технических факторов, которые на Западѣ созданы были в рамках капитализма и правового государства. Имѣя необычайно высокую духовную элиту, превосходящую уровнем западно-европейскую интеллигенцію, Россія не успѣла создать и укрѣпить в народѣ грамоту, культурные навыки в одеждѣ, жильѣ, в бытѣ и общежитіи, не успѣла укрѣпить современную работоспособность и техническую готовность. Для міровых цѣлей эти недостатки могли быть преодолены теоріей передышки, культурным займом у Запада. Но Запад — вѣрибе, заинтересованные в социальных измѣненіях рабочіе и трудящіеся Запада — не пришел на подмогу. Пришлось поэтому создавать на мѣстѣ новый человѣческій матеріал, с новыми культурными привычками, с трудоспособностью и — с ними неизбежно связанным — новым правосознаніем, прежде всего для укрѣпленія новаго государственнаго общежитія, его границ и неприкосновенности.

Совѣтскій строй, с начала своего возникновенія ставившій себя социалистическія задачи планетарнаго масштаба, оказался в необходимости на перепутьи перестроиться и взять на себя первозданныя до-социалистическія задачи національнаго бытія Россіи и, при том, в таких размѣрах, которые никогда перед ней не стояли. Эта задача сама по себѣ, если принять во вниманіе

численность и пестроту населенія и территориальные просторы «совѣтскаго союза», может дать работу до отказа дѣлому поколѣнію.

Если исходить из того, что каждому общественному строю свойственно свое особое общественное самосознаніе, надо будет признать, что строй, насильственно введенный в концѣ октября 17 года, в нынѣшней Россіи больше не существует.

На протяженіи двадцати лѣтъ краткая передышка, выдохшись, превратилась в историческую эпоху, революція перешла от своего начального тезиса к антитезису, казнила своих собственных основоположников и идеологов и казнила коммунистов в большем числѣ, чѣм любое «канибальское» буржуазное правительство; «та же власть» идет к обоснованію новаго патріотизма, который ей нужен для возглавленія синтеза, будущаго режима Россіи. К пантеону совѣтской Россіи приобщены всѣ укрѣпители и собиратели земли русской, примѣрно, от Владиміра Краснаго Солнышка до Петра Великаго (продолженіе слѣдует!), а социализм, как и встарь, побѣдит «лишь в порядкѣ соединенія серьезных усилій международнаго пролетаріата». А так как таких «серьезных усилій» не видать, то вмѣсто экспорта социализма надо пока что заняться дѣлом защиты своей страны от военных нападений. Такова инерція совѣтской государственности и ея священнаго эгоизма, такова сущность той революціи, которая, при сохраненіи вывѣски и аппарата — прежняго политическаго строя и той же партіи, трижды измѣнила свой режим и сама теперь возглавляеть свою контр-революцію.

Проф. М. Лазерсон

Послѣ Мюнхена

Прошел мѣсяц со времени мюнхенскаго мира; вызванное им в массах чувство облегченія по поводу избѣгнутой кровавой развязки успѣло нѣсколько остыть и замѣнилось нескрываемою тревогой по поводу тѣх послѣдствій мирнаго соглашенія, о которых мы говорили в предыдущей книжкѣ «Р. З.». Маленькій эпизод может характеризовать сущность этой быстрой перемѣны настроенія. Парижскій муниципальный совѣтник г. Насторг (правый) на радостях внес предложеніе — назвать одну парижскую улицу ули-